

Ф И Л О С О Ф И Я

В.Кондратович

ОБОРВАННОЕ И НЕВЫСКАЗАННОЕ

Я люблю древних за то, что они никогда не говорили парадоксов. "Благородный человек может совершить низкий поступок, но чтобы низкий человек совершил благородный поступок — такого я не знаю," — в этих словах Конфуция нет и намека на эпатаж или желание поразить чье-то воображение. Просто человек прожил семьдесят лет и подвел горький итог своим наблюдениям.

Пусть все остается так как есть. Но пусть все будет таким как есть!..

Больше всего меня поражает наглость, с которой эти скромные люди утверждают в этом мире.

Все можно запачкать, и только грязь всегда чиста.

По отношению к детям взрослые делятся на тех, кто видит в них прообраз Предвечного Младенца, Христа, и оттого немного их побаивается. Таких подавляющее меньшинство... Большинство же любит детей за то, что их так легко дурачить.

Одиночество, непонимание... Стоит мне начать говорить об этом, как меня обрывают. И даже в такой грубой форме, вроде: Хватит ныть!... Но меня коробит не грубость, а отсутствие вкуса. Ведь одиночество, непонимание, разобщенность — это так красиво! Особенно в наше скудное время.

Наука так же, как и партия большевиков, состоит из "хороших" (одержимых, сумасшедших) и "плохих" (авантюристов, карьеристов), которые постоянно оттесняют друг друга с ключевых позиций. "Плохим", как правило, приходится плохо: трудно иметь дело с сумасшедшими.

Если бы у атеистов было хоть немного воображения, то им следовало бы сходить в церковь и поставить свечку за то, что люди, подобные мне, верят в Бога.

В Китае не было литературы в нашем понимании. Была вэнь: высшая мудрость, выгравированная в слове. Высшим жанром считалась докладная записка к государю, а романы и т.п. были ничемным и презренным занятием. Стоит ли говорить, как это прекрасно!

Советский человек в сравнении с русским — примерно то же, что т.н. "жид" по сравнению с классическим библейским евреем.

У каждого писателя есть своя тайна. Можно завоевать мировое признание, превзойти в диалектической изощренности самого Ниркегора... но та, к кому обращены все твои слова, остается равнодушной. Бедный Пушкин!...

Если бы окружающие меня люди меньше преклонялись перед "великими", мне было бы легче выносить ничтожность моего положения. Но стоит ли вообще соотносить себя с другими людьми? Не лучше ли подумать о том, чем ты являешься перед Лицом Бога?... Забудь, чему тебя учили в школе, и молись!

Мир — тюрьма. Все это существование — пожизненное заключение. И самое главное, не известно, что будет там, потом: свобода? или еще худший ад? Если бы знать, что хотя бы ничего!... А есть такие, что всерьез боятся тюрьмы. Тюрьма — это современный Храм, туда следовало бы ходить молиться... Конечно, мне было бы легче, если бы надо мной кто-то постоянно стоял с автоматом. По крайней мере, не нужно было бы делать вид, что то, что я делаю, я делаю добровольно.

Жизнь можно вынести только тогда, когда она невыносима. Так есть... Не я это придумал... Что я могу сделать?!...

Подлинное искусство никогда не было профессиональным. Фальшивый камень, даже искусно подделанный, все равно ничего не стоит. А алмаз в любом виде стоит дорого. Но то, что в аристократическую эпоху было само собой разумеющимся, сейчас полностью забыто.

Каждое утро без пятнадцати девять я прихожу на работу и в течение восьми часов перебираю какие-то бумажки. "Мечту" обычного человека: иметь свободное расписание или любимую работу — мне трудно понять: что хорошего можно найти в этом мире! Бумажки — это важные научные документы, но пусть будут почтовые карточки или гвозди... Я делаю то же, что и все, кого я вижу вокруг. Правда, есть один нюанс. Для всех, очевидно, существуют какие-то умные дяди вроде Эйнштейна, которые безусловно что-то предусмотрели, которые знают что-то такое, чего не знает никто. Для

меня же эта перспектива полностью отсутствует. Эйнштейн для меня никакой не гений, а обыкновенный пошляк с постной физиономией. Я вижу перед собой какие-то бумажки с надписями на непонятных языках. Отбираю лишние, повторяющиеся, а нужные направляю в нужных направлениях. Если бы мне сказали делать наоборот: нужные выбрасывать, а ненужные направлять, я делал бы и это. Главное для меня сосредоточиться на состоянии безмыслия, избавиться от приступов подступающего безумия и выдержать ритм...

Кесарю кесарево... Кесарю кесарево... Кесарю кесарево...

Единственное, что меня смущает — это то, что когда-нибудь эти умные дяди, занятые творческой работой на благо человечества, окончательно сравняют меня с землей и вряд ли даже заметят...

Смешно сказать, но занятие литературой подобно перебиранию бумажек. В этих словах — не больше смысла, чем в тех бумажках: их можно поворачивать как угодно. Единственное, что остается — это выработанные годами дыхание и ритм.

Кесарю кесарево... Кесарю кесарево...

Туалет — это место для курения и бесед сотрудников нашего учреждения, в которых я еще ни разу не участвовал. Вчера я зашел туда и застал окончание очередного умного разговора. "... главное делать добро!" — сказал местный специалист по святым отцам. Надо было сказать: "Главное делать зло!" Все равно я был бы прав.

Кесарю кесарево...

Манеры этих людей умопомрачительны. Все напоминает аристократию времен упадка. В самом деле, пресытившийся жизнью аристократ, рассматривающий царапину на своей бриллиантовой брошке, и современный ученый, рассматривающий эту царапину в микроскоп — между ними есть что-то общее...

Самое главное в лице ученого — это загадочная едва уловимая улыбка. Эта улыбка, должно быть, свидетельствует, что он первым догадался о том, о чем еще никто никогда не догадывался, и ослепил человечество своим открытием. Например, "животные ничего не думают, не чувствуют, не хотят, а подчиняются условным или безусловным рефлексам"; или "все люди, животные, растения и прочие микробы представляют собой некое живое вещество", или "человек произошел от обезьяны"... Стоит только догадаться о чем-нибудь этаким, как на лице ученого сразу же появляется эта зага-

дочная улыбка. Все вокруг смотрят ему в рот, а он ходит, загадочно улыбается и скромничает. Скромность, как известно, главное достоинство настоящего ученого. Иногда она просто ошеломляет. Ученый, например, способен для себя (!) годами исследовать какую-нибудь комнатную плесень и результаты своих исследований складывать в стол. Вообще писать "в стол" — какой-то особый признак особенной скромности и честности ученого...

А недавно на третьей странице местной ленинградской газеты я натолкнулся на небольшую заметку под заголовком "Наконец-то наукой доказано, что Бога нет!", в которой рассказывалось, как на самом деле при помощи диалектических скачков, перехода количества в качество и других малопонятных слов произошел наш мир. Несмотря на восклицательный знак в заголовке и многочисленные сопоставления рано умершего автора открытия с Моцартом и Пушкиным, скромность, с которой простым людям было поведано об этом открытии меня просто потрясла: небольшая заметка на третьей странице местной газеты, где-то между сообщениями о выпуске нового трактора и обзором журнала "Молодой коммунист"... Только этим можно объяснить, почему на этот раз открытие прошло как-то незаметно...

Любые разговоры о гармонии могут вызвать только раздражение, если они нарушают естественную гармонию жизни. Жизнь такова, какова она есть. Но понимаешь это слишком поздно.

Эта вечная пошлость культуры — превращать все настоящее в хорошее, доброе и умное. Стоит только немного расслабиться и произнести несколько фраз о мире или всеобщей любви (как это было, например, с Достоевским), как ты попался: "Он такой же добрый, как и все мы!"

Не прошло и пятидесяти лет, как сам Ницше, несмотря на все "ужасы фашизма" и т.п., оказался таким же интеллигентным и добрым "рыцарем без страха и упрека", как и Томас Манн.

Сколько раз я говорил о ницшеанстве в современном обществе! Даже не понятно, почему Ницше до сих пор не переиздан, настолько он близок духу современности... Но вряд ли его издадут и в ближайшее время. Если советский человек будет знать, что он говорит то же, что говорил Заратустра, то ему придется хоть немного отвечать за свои слова. А так он может продолжать радост-

но улыбаться, желать всем добра и бороться за мир...

Нет, я не хочу сказать, что поэзия существует только для поэтов. Это все равно, что Церковь, которая существовала бы только для святых. Но та же самая икона, в которую тычет своей указкой экскурсовод, отличается от иконы в Церкви...

Церковь утверждалась кровью святых мучеников, а музей и современное издание Гумилева – расслабленной болтовней интеллигенции.

Маяковский, Лермонтов, Блок и... пожалуй, Высоцкий – четыре трагических русских поэта.

И уж, конечно, интеллигентный добрый литературовед, который сегодня с восхищением рассказывает о Чернышевском, а завтра – с таким же восхищением о Достоевском, должен быть готов услышать что-то вроде геббельсовского: "Для достижения успеха все средства хороши!"

Есть ли вообще какой-нибудь смысл во всех этих бесконечных попытках создать строгую методiku мысли? Я не говорю уже о т.н. "объективном, точном" языке науки, но и тяжеловесный стиль феноменологов вызывает у меня только сожаление. В сущности, это не более, чем попытка симитировать некую окончательную человеческую объективность, поставить человека на место Бога... И здесь следовало бы хранить полную безмятежность: все равно "выше головы не прыгнешь", и последнее слово остается за Богом.

Набоков всегда с раздражением отзывался о Достоевском. И это очень понятно. Ведь своим снобизмом, неглубоким эстетством, интересом к стилю, профессиональным приемам и прочей литературной чепухе он невольно напоминает "блестящего", но недалекого Ганю Иволгина. А Ганя вряд ли когда-нибудь простит "идиоту" – Достоевскому, что на его фоне он выглядит как-то смешно.

Хилый, тщедушный "интеллигент в очках" давно уже стал в народном сознании объектом для презрительных насмешек и поставщиком тем для застольных анекдотов. Но это не мешает самим интеллигентам считать себя чуть ли ни целью и венцом человечества, идущего по пути т.н. "прогресса". Нужно слышать, с каким апломбом

произносятся фразы: "он — настоящий интеллигент!" или "он — настоящий русский интеллигент!"... Но сознавая себя "венцом и целью человечества", эти люди в сфере социальной жизни предстают чем-то вроде вечно гонимых и незаслуженно преследуемых "жидов".

И теперь, когда наконец-то наступила долгожданная свобода, и вечно гонимый интеллигент наконец-то дорвался до телевизора (а быть свободным для него и значит попасть в телевизор), когда все расслабленные разговоры и сплетни, которые и без того уже успели порядком надоесть, хлынули на страницы газет... Теперь, теперь, когда частично или полностью реабилитированы "все": от Каменева и Бухарина до Ходасевича и Гумилева... Когда имя Набокова пишется через запятую после Шолохова... Теперь, когда еще не схлынула очередная волна всеобщего энтузиазма по поводу того, какие дураки жили в прошлом... и буквально на днях я прочитал в журнале под названием "Новый мир" (!) о необходимости переиздать "Вехи", потому что их трудно достать в библиотеке... Теперь... я боюсь...

Я боюсь говорить о разрыве между интеллигенцией и народом, который так тяжело переживал Блок, предвидя его трагические последствия. Я боюсь, потому что слишком хорошо себе представляю, как какой-нибудь предприимчивый писатель сразу же начнет бить себя в грудь, ухватившись за очередную "актуальную проблему". Но я боюсь еще и того, что эти последствия никогда не наступят, и эта свобода будет длиться вечно.

Я отдаю себе отчет в том, что, возможно, нить моих рассуждений ускользает от атеистического сознания современного человека, который, несмотря ни на что, продолжает ожидать, что в ближайшие двадцать лет, когда все "плохие" и все "плохое" будет уничтожено, он будет жить, если и не в раю на земле, то, по крайней мере, в отдельной квартире... Но я все же решусь напомнить слова Христа о том, что без Его воли "ни один волос не упадет ни с чьей головы". И тот ужас, который вселяют в души людей бесчисленные заметки о "безвинных жертвах злобных преступников", — это не ужас жизни, а прежде всего, ужас хаотичного, расслабленного, атеистического сознания их авторов. И уж никак не последнее слово об Истине и Правде... Я вовсе не хочу сказать, что этот мир не ужасен. Напротив. Но ужас его совсем в другом...

Слово — это душа вещи, и оно всегда появляется вместе с породившим его явлением. И то, что слово "интеллигенция" возникло в России в конце прошлого века, кажется мне очень характерным.

Конечно, у каждого явления есть своя предыстория, и иногда очень длительная. И Сократ (на это обратил внимание еще Эзра Паунд) как тип древнегреческого мыслителя гораздо сильнее напоминает оторванного от народа интеллигента, чем ~~какой-нибудь~~ древний китаец вроде Конфуция. Сократ учил мыслить, подчинять жизнь мысли и воспитывал подобных себе мыслителей, философов. Конфуций же, скорее, не учит, а учится, его мысль подчинена древней, выношенной народом традиции и стремится только выявить и углубить ее. "Ничего не выдумывать" — один из основных принципов его учения. Если же Конфуций чему-нибудь и учит, то не жизни вообще, не философии, а возможности достижения гармонии с миром: единению личного и социального, искусству управлять и подчиняться...

Не случайно ученик Сократа, Платон, отдает власть в своем утопическом государстве в руки философов...

Конфуцианство — это учение аристократии.

Представьте себе мальчика, который получил самое обычное воспитание. Подходил к маме с вопросом: "Что было бы, если бы де-душка Ленин был жив?" Пионер, комсомолец... И вдруг обнаружил, что самые близкие ему писатели: Гамсун, д'Аннунцио, Селин, Паунд... — сотрудничали с фашистами. И почему он должен верить не им, а газетам, в которых пишут люди, за всю свою жизнь не сказавшие ни слова правды?!...

Существенным является не то, что Пушкин пишет стихи, и потому выше Царя и Бенкендорфа, а то: выше ли он их перед лицом Бога? Следовало бы снова открыть для себя простор вечности и вырваться из "узкого коридора" культуры, куда загнан современный человек, но, похоже, что именно этого он сделать не в состоянии.

К сожалению, именно с Пушкина, во всяком случае, с его времени начинается болезнь, которая к настоящему моменту переросла в настоящую "культурную манию". И понятно, что "культурный человек" меньше всего заинтересован в том, чтобы Бог вернулся в мир.

Вряд ли кто-нибудь всерьез возьмется утверждать, что в древности или при Царе было лучше, в том смысле, что легче, свободнее или демократичней, но никакая деспотия не сравнится с тем кошмаром расслабленности, в который погружен современный человек. Ослабление напряженности жизни, а не отсутствие т.н. "свободы", делает жизнь невыносимой. Даже в сталинском времени есть еще что-то значительное. И мрачноватая архитектура того времени говорит мне гораздо больше, чем крикливые обличительные статьи современных журналистов.

Наше расслабленное время напоминает труху. И художнику нечего делать с этим материалом. Все современное общество — что-то вроде плохих стихов: правильные слова, все гладко, все сходится, все по-доброму... — но все это способно вызвать только отвращение и скуку.

Даже среди т.н. "сталинистов" вряд ли теперь встретишь человека, который бы, признавая многочисленные "заслуги" Сталина, не отнекивался бы от его многочисленных "ошибок и перегибов". И здесь советский человек остается верен себе. Можно ли представить, например, д'Аннунцио, изрекающим подобные пошлости в адрес Муссолини? Но советский поэт Симонов изображает из себя некоего "доброего и хорошего Киплинга"...

Похоже, что подлинным и последовательным сталинистом был Берия, если, конечно, верно то, как его теперь изображают...

Но, возможно, разгадка современного сталинизма заключена в самом Сталине, и он был таким же "добрым советским человеком", как и его теперешние последователи. Меня всегда отталкивали в Сталине не его "отклонения", а его приверженность ленинским нормам и большевизм. Всякий раз, когда сравнивают большевиков с фашистами, мне кажется, что для первых это очень и очень большой комплимент. Надо помнить: не то плохо, что у нас было, как у фашистов, а то, что у них было, как у нас.

Мораль может быть очень расплывчатой, но прекрасное всегда конкретно. Нет смысла говорить о "красоте вообще", ибо красота — это явленная сущность...

Один советский поэт заявил, что в связи с наступившей свободой он "ждет прихода нового Бюка из Ленинграда" и кого-то там еще — из Москвы. Если проигнорировать общий идиотический смысл этого высказывания, то можно с сожалением констатировать, что яв-

ления "нового Блока" в Ленинграде ждать не приходится. Ибо Блок так же, как и Достоевский, жил не в Ленинграде, а в мрачном и трагическом Петербурге. А Ленинград — это светлый город-музей, где все борются за мир, радуют о сохранении культурных памятников прошлого, а сами, тем временем ютятся в одинаковых типовых домах... Это даже не варвары, которые, разрушая старое, утверждают близкое себе новое, это хилые культурные люди, не способные ни разрушать, ни создавать. Здесь все разрушается само.

Современный интеллигент, восхищающийся какой-то отвлеченной внешней красотой прошлого, не в состоянии понять, что и в России было лучше только потому, что там было хуже...

Великой эпохой я назвал бы такое время, когда становятся возможны Встреча и Разговор... не литература, ибо книги пишутся от одиночества, но Понимание, когда обычная стена отчуждения между людьми хоть на мгновение исчезала. Это было возможно в Китае, у арабов, в конце восемнадцатого века в Германии, в начале века в России... В будущее смотреть как-то не хочется...

В сущности то, что Блоку было трудно вынести даже в России, те черты духовной буржуазности, которые у него почему-то ассоциировались только со "старым миром", здесь, в "новом мире", утвердились полностью и окончательно.

Несмотря на весь современный пафос борьбы со злом, я не вижу иного зла, кроме сознания новизны и исключительности условий, в которых якобы приходится жить современному человеку. Если же и есть что-нибудь непривычно новое в нашем вечном мире, так это, именно, сознание новизны происходящего, которое не покидает теперь человека, и которое, собственно, и делает его безнадежным провинциалом в культуре и жизни...

Конечно, трудно себе представить, чтобы человек, переживший трагедию Ницше и Киркегора или читавший Гюисманса всерьез бы воспринимал "детские" книги Булгакова... Но теперь, когда мы имеем удовольствие на экранах первого в мире "рабоче-крестьянского" и "общенародного" государства видеть "Собачье сердце", я удивляюсь самому себе: еще в юности, прочитав эту книгу в запрещенном, "самиздатовском" виде, я определил ее, как "интеллигентские бредни"...

Нельзя сказать, чтобы "простым" людям не хватало простоты. Но "культурным" людям явно не хватает культуры...

Я не удивлюсь, если в ближайшем будущем будет реабилитирован еще один кумир современной интеллигенции — Солженицын. Боюсь только, чтобы это не произошло слишком поздно, и современные писатели не превзошли по количеству сплетен и т.н. "фактов" общепризнанного классика этого жанра...

Достоевский прошел через ужас смертного приговора и десятилетней сибирской каторги, но вынес из этого нечто неизмеримо большее, чем раздражение по поводу "потерянных лет жизни" и всевозможных слухов и анекдотов о тамошних "ужасах". Ему даже случилось говорить, что каторга — самое счастливое время его жизни. Он помнил и презрение к себе со стороны далеких от культуры безграмотных, темных каторжан... Его творчество открывает глубину человеческого бытия, ибо само открыто вечности, а не замыкает человека в узкий коридор культурных и идеологических фетишей...

Солженицын же лишний раз явил собой пример того, что самым глубоким чувством, на которое способен интеллигентный человек, может быть только раздражение.

Трудно себе представить, чтобы русский человек мог даже в своем семейном кругу как-то непозволительно отзывать о Боге или Царе (можно вспомнить хотя бы достаточно известные факты биографии Пушкина и те последствия, к которым приводили его самые "невинные", с современной точки зрения, слова и поступки). Мне кажется, что даже обилие доносов в тридцатые годы было не столько следствием какой-то исключительной человеческой подлости, сколько проявлением еще сохранившегося глубокого религиозного отношения к жизни и к власти, натолкнувшегося на дешевый пафос буржуазного свободолюбия.

Современный же человек уже ничего не хочет признавать, кроме своего я. Теперь можно говорить и делать все, что угодно, — нельзя только задевать т.н. "свободу" современного человека. И в этом "свободном новом мире", где женщина равна мужчине, евреи — не-евреям, негры — белым, верующие — неверующим, где у всех есть все, — не только нечего больше желать, не от чего больше страдать... Но, в сущности, и незачем больше жить.

Любое появление духовного аристократизма, неординарной личностной силы воспринимаются пошлым интеллигентским сознанием только как проявление мракобесия и несправедливости. Естественные человеческие связи, помощь своим друзьям и родственникам клеймятся словом "блат", а стремление продвинуться вверх по служебной лестнице считается карьеризмом... Можно подумать, что, если судьба человека, например, при поступлении в учебное заведение, будет зависеть не от личных связей и положения человека в обществе, а от большого зуба экзаменатора и его плохого или хорошего настроения, то справедливость в этом мире восторжествует.

Единственной достойной и заслуживающей уважения политической программой большевизма была бы установка на конституционное утверждение спецкранов, спецраспределителей, привилегий для партийных работников и т.д., и т.п. Но этого ждать не приходится. Эти люди хотят пользоваться правами, но, в отличие от аристократии, не способны открыто отстаивать их. Стоит только кого-нибудь "поймать за руку", как он сразу же начинает извиняться, заявляет, что он всем желает самого лучшего... и спешит по примеру "великого вождя" встать в очередь последним. Что ж, пожалуй, там ему и место!...

Похоже, что современный человек всерьез думает, что, когда все будут ходить в одинаковых пиджаках, жить в одинаковых квартирах и послушно вставать в очередь, наступит чуть ли ни "рай на земле"... К счастью, реальный мир не таков: он все еще гораздо лучше того, что люди хотели бы из него сделать.

В том, что фюрер в последние дни жизни зачитывался в своем бункере книгой Карлейля "Фридрих Великий", есть что-то очень волнующее: здесь как-то особенно чувствуется одиночество человека в чуждом и враждебном ему мире... Конечно, на фоне желания большинства современных людей "жить мирно", смотреть телевизор, читать газеты и пить чай — истощные призывы и надрывные крики выглядят как-то противоестественно, но это еще не повод для хихиканья и кривляний плохо осознающей альтернативу своего "мирного житья" буржуазии...

Даже в самые вульгарные газетные статьи и пропагандистские фильмы просачиваются свидетельства того, что фашистский офицер

мог поставить на колени целый взвод солдат перед телом храброго вражеского партизана и т.д., и т.п. Со стороны борцов "за светлое будущее человечества" можно наблюдать только проявления тупой ненависти к врагу.

Надо отдавать себе отчет, что т.н. "культура" на девяносто процентов творилась сумасшедшими, извращенцами и самоубийцами. Поэтому даже в частной жизни ориентированность на культуру вызывает вполне обоснованные сомнения. Но трудно себе представить все последствия того, когда к власти приходит т.н. "интеллигенция" и культура становится главным ориентиром идеологии целого государства...

Конечно, позаседав на парткоме или ученом совете, особенно приятно почитать Северянина, или сходить в музей полюбоваться на Страсти Христовы, или, отложив в сторону "Поднятую Целину", похихикать над романом "Дар" или "Собачьим сердцем", или просто после тяжелого трудового дня вздремнуть в удобном кресле под звуки рахманиновской "Литургии"... По-человечески это даже как-то понятно. Тем более, что современный человек всячески подчеркивает свою скромность и преклонение перед гениями прошлого... Что, впрочем, не мешает ему лезть в телевизор и газеты, принимать бесчисленные награды и премии, сосредотачивая в своих руках средства массовой информации и право монопольного тиражирования книг... Он согласен на все, лишь бы оставаться в центре современной культурной жизни. Но единственное, что от него требуется — это уйти.

Я понимаю, что слово "декадент" как-то не вяжется с людьми по фамилии Тряпкин или Залыгин, но вся современная культура — это выражение самого крайнего духовного декаданса...

Не понятия и отвлеченные идеи, а Лик Божий и Лики Святых — центральные идеи христианина. Поэтому творчество Флоренского мало чем отличается от творчества глубокого иконописца...

Странно, что даже просидев много лет в лагерях и пройдя через ужасы мировой войны, советский человек умудрился сохранить инфантильное сознание и убежденность в своей абсолютной невинности. Как будто Сталин и Гитлер не являлись всего лишь слепым орудием в руках Бога, перед Лицом Которого только и должен осознавать себя человек... Но советский человек предпочитает делать

вид, что он только вчера родился (точнее было бы сказать, что — семьдесят лет назад). Его атеистическое сознание отказывается принять Бога и Вечность... Но чего стоит торжество ленинской справедливости и памятник жертвам сталинских репрессий до тех пор, пока где-нибудь под Перекопом не будет поставлен памятник безвинно погибшим русским людям?!...

Странно и то, что эстетическое чувство тех, кто цепляется за красоту старых названий, не коробит возможность существования Николаевской улицы в Ленинграде или даже Санкт-Петербурга — в Советском Союзе...

Чего же можно пожелать столь много страдавшему советскому человеку? Страданий и только страданий! К сожалению, только они расширяют кругозор и углубляют духовный опыт.

Теперь любят поговорить даже о преимуществах христианского миропонимания перед марксистским или научным, т.к. верующие, видите ли, сознательней относились к труду, не пьянствовали и т.п. ... Как будто Бог не является вневременной абсолютной Истиной, требующей от человека смирения, а представляет собой что-то вроде кантовской "вещи в себе", произвольно, в зависимости от обстоятельств выбираемой людьми "общей идеей", чтобы лучше устроиться на этой земле.

Я не понимаю, что значит: "я читал книгу о чем-то..." Я всегда читаю книгу "кого-то". Не существует ни фашизма, ни культа личности, ни капитализма... Что бы человек ни писал — он всегда пишет только о себе.

Культурность отождествляется современным интеллигентским сознанием исключительно с вежливостью... Действительно, если любые идеи — это всего лишь кантовские "вещи в себе" (а я не знаю интеллигента, который не был бы по духу сознательным или бессознательным кантовцем) и единственно достоверным опытом является эмпирический опыт науки, то святость и любая другая приверженность каким-либо идеям, признание за ними онтологической глубины — не более, чем глупость, влекущая за собой нарушение корректных человеческих отношений...

Может быть, это было бы и безобидно, если бы ни вело к катастрофическому сужению сознания. Сузились представления и о жизни, и о правилах поведения, и о нормах психического здоровья.

Тот, кто хоть немного знаком с личностью и жизнью Владимира Соловьева, должен согласиться, что ему вряд ли нашлось бы место в современном мире, среди тех, кого теперь принято считать психически здоровыми. Уже в начале века появились научные исследования, доказывающие шизофренический характер творчества Блока и других символистов. То же было и с Маяковским... Если раньше (казалось бы совсем недавно) культурный (!) человек ходил с оружием, мог постоять за себя и даже убить кого-нибудь на дуэли, сохранив свое честное имя, то теперь даже ношение оружия считается преступлением. И с этой точки зрения, современное общество — это "общество ффаеров", где преступник является чуть ли не единственным человеком, сохранившим свою экзистенциальную свободу и живущим по куда более вечным законам, чем те, которые ему предлагает современное общество.

Возвышенность нынешних идеалов слишком оттеняется низменностью потрепанных лиц тех, кто их несет... Но похоже, что современный преуспевающий человек всерьез думает, что ему достаточно радостно улыбаться, пожелать всем т.н. "добра",¹ все будут добровольно с энтузиазмом на него работать и слушать пошлости, которые он постоянно изрекает.

Константин Леонтьев был абсолютно прав, говоря, что "там, где нет страха Божия, и страх человеческий не помешает". И то, что теперь стало нормой в культурной среде, вряд ли было возможно еще в прошлом веке. Прежде, чем современный писатель успел бы написать хоть пару своих тошнотворно-фальшивых произведений (в которых, очевидно, отразилась вся его жизнь), он давно был бы убит на дуэли...

Вряд ли нынешние ревнители справедливости допустят теперь появление человека вроде Распутина... Правда, скотский образ жизни современного человека достаточно хорошо известен. Но между современным извращенцом и Распутиным примерно такая же разница, какая существует между советским поэтом и Блоком (у которого, как известно, тоже были женщины).

Больше всего поражает безапелляционность, с которой теперь вершатся законы, и претензия на осуществление какой-то полной и окончательной справедливости. Это тем более странно, что возглав-

ляющий идущее по пути прогресса человечество ученых, навязывая всем свое относительное убогое знание, имеет на это столько же оснований, сколько любой обыкновенный сумасшедший...

И в этой безответственной легкомысленности, с которой эти люди утверждают свои сиюминутные мнения в качестве абсолютных, в странном безликом единодушии всех "культурных" людей, в их отмирной ангажированности и несвободе, в том, что чуть ли не единственным носителем экзистенциальной свободы в современном мире стал преступник, а тот, кто сохранил в себе эту свободу, приравнивается к преступнику — есть уже что-то апокалипсически пугающее.

Если вспомнить, с какой легкостью новозаветные рыбаки оставили свое дело и "пошли за Христом" "ловить человеческие души", то очень легко теперь представить реальность Конца Света, когда отторгнутым от мира преступникам и сумасшедшим будет предоставлено право вершить свои законы и справедливость в ответ на законы и справедливость тех, кто стоит у власти сейчас. Если все могут работать для того, чтобы кто-то слетал в космос, то почему бы при случае не заставить всех ходить на голове...

"И тогда Я приду к тебе, как Вор..."

Все жаждут "понимания" и требуют какого-то смысла и мотивации... Говорю о чем-то внешнем, но такое впечатление, как будто тебя обкрадывают... Чтобы передать то, что происходит на самом деле, мне пришлось бы, пожалуй, начать говорить стихами... Но тогда все бы подумали, что я опять свихнулся...

Советский человек смотрит на Запад так, как если бы он смотрел западный фильм (даже с трагическим сюжетом) и не замечал бы в нем ничего кроме того, как там одеты люди и какие там магазины...

Человеку, обладающему элементарным эстетическим вкусом, прежде всего бросается в глаза не убожество одежды и отсутствие бытового комфорта у советских людей, а убожество их мыслей и чувств. Даже просто одетая комсомолка двадцатых годов обладала большим чувством времени и стиля, чем жена современного партийного деятеля в золоте и в мехах. Красота — это тайна, открытая лишь немногим...

Один мой знакомый музыкант описывал свой образ жизни: "Я сначала поработаю, помогу жене, а потом, в оставшееся время, могу заняться и музыкой..." Наверное, поэтому и музыка его так же скучна, как его жизнь.

В государстве, где Москва считалась "третьим Римом", а целью внешней политики было завоевание Константинополя, естественно был совершенно другой отбор людей и на всех ступенях социальной иерархии общества. Ведь эти представления совершенно не вмещаются в прошлое сознание современного человека.

Русскому человеку должно быть стыдно, что даже евреи объединились, ведут войны, и, в сущности, живут в библейские времена... Что опять-таки не понятно тем, кто пишет в современных газетах.

Раньше человек или сам участвовал в политике и творил ее, или вообще о ней ничего не знал и был к ней равнодушен... Теперь же все эти "обыкновенные" людишки в своих тошнотворных пиджаках и свитерах собираются в своих комнатах и квартирах, слушают радио и говорят о политике... Более того, эти "комические" персонажи со своими бытовыми проблемками заполнили страницы современных романов и экраны кинотеатров...

Даже самым близким знакомым мне трудно объяснить, что я рассматриваю сытые улыбающиеся лица в журналах западной моды примерно с таким же чувством, с каким современный интеллигент рассматривает журнал "Народная Корея".

К чему вообще эта "добродота", эта претензия на некое исключительное всепонимание и всепрощение, и умиление самим собой?!...

Если бы импотент гордился своим целомудрием и постоянно о нем говорил — это было бы как-то странно. Но интеллигенция продолжает гордиться своей вежливостью, хотя в нашем суровом мире ей ничего другого не остается.

Большевизм завершил дело, начатое буржуазными революциями, начертав на своем знамени вдохновляющий массы лозунг построения общества, где "все польется как из рога изобилия"... Еще Бердяев справедливо заметил, что "социализм — это буржуазность, возведенная в абсолют". Не случайно советский человек смотрит западные

фильмы с непокидающим его чувством, что именно так он будет "жить при коммунизме". И даже желание уехать на Запад, как это ни парадоксально, продиктовано, очевидно, все тем же, воспитанным с детства, тайным желанием "пожить при коммунизме"... И то, что теперь называется "перестройкой" — есть совершенно естественное и логичное возвращение к ленинским идеалам.

Казалось бы любому, хоть немного глубокому, человеку должно быть ясно, что еще совсем недавно наша страна была просто иной по отношению к западным странам, а теперь она становится такой же, только хуже.

Ведь даже в реальном социализме можно было заметить реальные преимущества перед западным образом жизни: "неумение" одеться и общая неспособность устроиться в этом мире, смирение перед властью и равнодушие к общественно-политической жизни... Но похоже, что именно коммунистов эти преимущества меньше всего устраивают, и они опять (в который раз!) хотят, чтобы у нас было, как на Западе, и даже "лучше"...

Раньше русские философы и поэты сравнивали свою родину с евангельской Марией, теперь же она явно уподобилась суетливой Марфе...

Мы вряд ли имели бы даже пресловутую "русскую культуру", столь почитаемую современной интеллигенцией, если бы власть в России не принадлежала людям подобным Достоевскому и Леонтьеву, способным видеть чуть дальше большинства. Русское национальное самосознание еще в прошлом веке было бы растоптано многочисленными поборниками "правового государства".

Большевизм — это не только идеологическая и экономическая программа, но и формы и образ жизни, стиль поведения, "мистика" отношений... И эта "мистика" — есть нечто неизмеримо более глубокое и неизменное, чем все эти бесконечно меняющиеся политические программы и платформы.

То, что происходило в семнадцатом году в России — это не только борьба за власть или землю, но еще и своеобразная мистерия, трагедия русской Души...

Даже старые фотографии говорят о том, что изменились не

только архитектура, формы жизни, одежда..., но изменились и лица людей. Русский человек, если не вырожден, то, во всяком случае, переродился, причем даже внешне. И если под благородством понимать то, в чем наиболее полно и ярко проявляются черты рода, то советское — это, прежде всего, отрицание этого благородства, или, по крайней мере, оно должно иметь свое советское благородство, очень мало напоминающее русское...

Теперь человека с манерами русского аристократа можно представить разве что в дурдоме. Во всяком случае, тот, кто всерьез причастился к русской духовной традиции, должен с неизбежностью осознать себя в современном обществе чем-то вроде эмигранта. И у него столько же шансов проявить себя, сколько их бывает у человека, попавшего в чужую страну с чужим языком и чужой культурой: самое большое, на что он может рассчитывать — это найти себе какую-нибудь черновую работу вроде дворника или грузчика...

Читаю название статьи: "Категория трагического в ..." — и не могу продолжить, откладывая в сторону... Слово "категория" начисто убивает всякую возможность трагического. В чем тут дело?..

Даже желая кому-нибудь польстить или кого-нибудь унижить, моралист уподобляется художнику, который, рисуя чей-нибудь портрет, использует только светлые или темные тона, забыв о существовании всей палитры... Тот, кто хоть немного наделен эстетическим чувством, никогда не будет морализировать: бездарность этого занятия слишком очевидна...

Непонимание — единственный адекватный способ постижения непонятого. Такова жизнь... И я готов повторить вслед за Сократом: "Я понимаю, что я ничего не понимаю".

Нужно ли стихам какое-нибудь содержание? Вряд ли... Стихотворение должно быть как можно более ни о чем.. Единственное содержание поэзии — это отсутствие какого-то ни было содержания. Ибо самую большую правду, какую может сказать о жизни искусство — это ничего не сказать...

В сущности, жизнь лишена смысла... Но то, что раньше было привилегией правящего класса, позволительно теперь только самым конченым людям: наркоманам, пьяницам и поэтам. Только они могут влачить по-настоящему "бессмысленное и бесцельное существование"...

Современным ревнителям справедливости, ратующим за сохранение для народа всевозможных "красивых" дворцов и замков следовало бы помнить, что все эти дворцы и замки прежде всего являются выражением вопиющей человеческой "несправедливости", архитектурным образом воли одного человека, его власти и возвышения над толпой...

На фоне нынешнего всеобщего восхищения дворцами как-то очень странно выглядит судьба какого-нибудь несчастного Адылова, ведь, если не он, то, может быть, его потомки были ближе других к тому, чтобы построить себе дворец...

Очевидно и Блока все эти любители "красивых стихков" упрятали бы теперь в дурдом...

Но разве то, что произошло в семнадцатом году, не было началом полного духовного декаданса и упадка, ведь идеи революции, прежде всего несла интеллигенция?! Трудно понять, зачем Ленину было делать революцию, если он так любил Пушкина (у которого, в основном, все о великосветских дэнди да балах), а Маяковский его пугал...

Знаменитый ленинский лозунг, призывающий коммунистов "усвоить все самое лучшее", действительно, дает все основания считать, что разрушения, которые несла в себе революция, были всего лишь отклонением от "ленинской нормы", и теперь, наконец-то, власть окончательно сосредотачивается в руках заседающих в парткомах любителей "красивого" церковного пения...

Но стоит ли удивляться убожеству и уродливости форм, которые несла, несет и, очевидно, будет нести эта революция?! Ведь жизнь и искусство беспощадно символичны. И чтобы построить тот же дом, мало рассуждать "о прекрасном", нужно заставить работать рабочих, а тут еще материалов не хватает, а там еще и начальство, и вообще... Нет, пожалуй, жизнь слишком груба для утонченных советских людей!...

Мой отец не был изощрен в культуре... Но за всю свою жизнь я не сказал больше того, что он сказал в свое время без слов.

Самое внешнее в человеке — это самое глубокое в нем, то, чего он часто еще не осознает сам. И всякая претензия на какой-то "глубокий внутренний мир", противопоставляемый собственной внешности —

не более, чем претензия и недостаток самосознания... Некрасивый человек не может быть "хорошим".

Даже философия — это, прежде всего, стиль. И в немного истеричном стиле Ницше видны все зачатки грядущего фашизма...

Марксизм — это всего лишь безобразный, уродливый, хамский стиль... Отсутствие какого бы то ни было стиля, его неосознанное игнорирование: кажется, что логика и диалектика его полностью вытеснили...

Я часто представляю себе комическую сцену из несуществующего фильма о том, чего никогда не было... "Встреча глав правительств": Потомок герцога Мальборо, Уинстон Черчилль, — в кресле, с сигарой в зубах; и бегающий по комнате в своем комическом пижаме, Ленин, горячо излагающий свои возвышенные идеи... Конечно, они говорят по-английски, ведь Ленин знал пять языков...

Да, я себя люблю и не скрываю этого. Даже там, где уже ничего не остается, когда уже все... я подхожу к зеркалу: гляжу... и утешаюсь.

Больше всего мне хотелось бы, чтобы все эти "скромные" советские люди хоть немного потеснились и уступили место "нескромным" русским.

И в основе философии лежит лирическая волна: чем глубже и сильнее эта волна, тем убедительней мысли...